

Добрый и светлый

Никто с такой трепетной любовью не описал наш город и его природу, жителей Елабуги и окрестных сёл, как Станислав Тимофеевич Романовский.

19 сентября писатель мог бы отметить свой 75- летний юбилей. Но его нет с нами уже 10 лет. Каким он был? Об этом рассказ его сестры В. Т. Романовской, с которой незадолго до юбилея встретила наш корреспондент Л. Пахомова.

-Вероника Тимофеевна, вы очевидно, единственный человек, кто так хорошо знал писателя в его детские годы. Расскажите, что он любил, чем увлекался?

- С самого раннего детства он начал писать. Причём писал постоянно. Но делал это тайно. Никому не показывал. Когда не было бумаги, использовал старые газеты. Первой напороочила ему судьбу писателя учительница начальных классов.

Увлекался он очень многим. Прекрасно играл в городки. Знал все созвездия, все цветы в лугах. Однажды уже в Москве муж какой- то профессорши устроил ему настоящий экзамен. Принёс гербарий, в котором было не то 100, не то 110 растений, и Стасик перепутал только два.

Всё время бегал на охоту, но я не помню, чтобы он кого- то убивал. В одном из своих рассказов он описывает, как убил селезня. И когда он увидел вместо красивой птицы окровавленную кучку перьев, то пережил это как трагедию. То есть у него какого - то охотничьего азарта никогда не было.

А главным его пристрастием с молодых ногтей и до конца дней оставалась рыбалка. Всю жизнь читал Аксакова: «Детские годы Багрова - внука», «Записки об ужении рыбы». Он обожал озёра, куда ходил на рыбалку с друзьями. Причём обладал удивительным свойством: вроде стоят все рядом, у него клюёт, у них нет. Обменяются местами – та же история.

-Вас с братом, насколько я знаю, нянчили и воспитывали монашки?

- Да, родители были в Ленинграде, мы жили у деда с бабушкой. И присматривали за нами монашки. Они довольно часто водили нас в церковь. И мы со Стасиком очень любили причащаться. В Покровской церкви нам больше всего нравилась фреска «Жертвоприношение Авраама», где он стоял с занесённым кинжалом над собственным сыном.

- Почему? Это же такой драматический момент.

- А мы знали, что ничего страшного не произойдёт. Нам монашки говорили: «Не дал Господь убить. Агнца положили». Но нас почему - то это всегда так впечатляло! Покровскую церковь закрыли последней в 1939 году. Иконы тогда швыряли на пол, снимали с них оклады, всё ценное увозили. А сами иконы валялись. Кто хотел, тот их и растаскивал. Мы потом долго, несколько лет пытались отыскать икону «Трёх святителей». Но так и не нашли. Она была тёмного письма, не очень большая, Иоанн Грозный подарил её здешним жителям из походной церкви.

Что ещё сказать? Станислав был очень артистичным. Он обладал удивительным даром имитации. Мог превосходно(глаза закроешь - не отличишь) воспроизвести голос Ленина, Сталина, Брежнева, Рождественского, Евтушенко, Вознесенского... Причём всё это, как правило, анекдотичное он изрекал с совершенно серьёзным видом, а мы вокруг просто изнемогали от смеха.

-Как Станислав Тимофеевич попал в Москву?

-Вы знаете, хочу сказать, что сам он никогда никуда не рвался. Когда он после университета работал в Елабуге в библиотечном техникуме, его постоянно вызывали в горком и предлагали стать редактором местной газеты. Но он не хотел, а поскольку был беспартийный, заставить его не могли. Потом он по семейным обстоятельствам переехал в Ульяновск, где ему всё-таки пришлось стать редактором областной молодёжной газеты. Тогда на родину Ленина частенько приезжали журналисты из французской коммунистической газеты «Юманите». Станислав их обычно сопровождал. Он им очень нравился, и они несколько раз официально приглашали его во Францию. Я ему говорю: «Стасик, если бы меня пригласили в Париж, я бы пешком пошла». А он, «нет, я лучше поеду в Елабугу. Я не хочу опять этого многолюдья, асфальта, я хочу босыми ногами идти по траве». За границей он побывал один – единственный раз – на Берлинском фестивале молодёжи. Но он так не хотел туда ехать. Пишет нам: «Сегодня нас привозили в ателье, снимали мерки. Но я всё – таки надеюсь, что мне удастся этого избежать». В следующем письме сообщает, что их возили на инструктаж, и в конце: «Но я всё-таки надеюсь...». Зря надеялся. После фестиваля – молчание. Никаких писем. И вдруг получаем, читаем: «Я сижу, прислонившись спиной к стене Соловецкого монастыря. У самых моих ног плещет холодное Белое море. Такая тишина, такая благодать. Я считаю, что это самое лучшее место на планете Земля».

Вот как после Берлина – то! В Москву, как Стасик сам говорил, он попал из – за коровы. Собрал их как – то самый главный комсомольский бог. И спросил, что такое фуражная корова. Никто, кроме Стасика, не ответил, Бог, конечно, разгневался: как так, живёте в сельскохозяйственных районах и не знаете! А брата после этого забрали в Москву, в журнал «Сельская молодёжь». Он очень любил Москву и очень любил Елабугу

- Какие у вас были с ним отношения?

- Разные, как, наверное, в любой семье. Я старше его на два года. В детстве монашки нам обоим шили платьица (помню, были такие полосатенькие), и мы с ним гуляли, взявшись за руки. Мордашка у него была какая - то очень круглая, и нас все звали Викочка и Тазик. Даже на фотографии сохранилась такая надпись. Взрослые его спрашивают: «Тебя как зовут?». А он так серьёзно: «Та - а зик». Это потом уже стали называть «Стаська, Стаська». Его ведь все так любили!

Было время, когда мы с ним дрались. Помню, я всегда била его книгой «Три мушкетёра», она же толстая. Он тоже в долгу не оставался. Как-то я ему говорю: «Ты меня моложе на два года и ниже!». Смотрю, а он – выше (смеётся). А когда повзрослели и обзавелись семьями... У меня муж умер рано, остались двое маленьких детей. Станислав жил в это время в Ульяновске и несколько раз предлагал мне: «Давай я всё брошу, приеду в Елабугу, устроюсь работать, и буду тебе помогать». Но я отказалась. Не забуду, как он однажды простоял несколько часов в очереди, и купить мне капроновые чулки, которые были тогда в страшном дефиците.

Было несколько моментов в жизни, когда каждый из нас чувствовал, что с другим происходит что – то трагическое.

- А как он относился к другим людям?

- Он не признавал рангов. Для него всегда был важен человек, а не его чин. Он знал многих известных людей, но в дружбе был избирателен. У него были тёплые отношения с Василием Шукшиным и Арсением Тарковским. Годы дружбы связывали его с писателем Юрием Папоровым и его женой Валентиной Толкуновой. Он старался не говорить ни о ком плохо. Если пыталась узнать, как он относится к тому или другому человеку, то самой резкой его оценкой было: «Сдержанно», Станислав был добрый и светлый человек. В годы учёбы в университете, я жила в общежитии в одной комнате со слепой девушкой Таей Решетовой. Брат часто приходил, и, взяв её под руку,

уводил гулять. А вот ещё такой случай. Приехала я как – то в санаторий в Ижевку и пришла в библиотеку. Встретила меня там татарочка карлица. Волосы светлые, лицо хорошее, умное, а тело изуродовано: и спереди, и сзади – горб.

Я сажусь, записываю свою фамилию, имя и отчество. Она как увидела: « А Станислав Тимофеевич ваш брат?» Я отвечаю: « Да». Она давай меня обнимать. «Это, - говорит, самый лучший для меня человек на свете». Она оказалась его студенткой в библиотечном техникуме. От Станислава мы впервые услышали стихи Цветаевой и Гумилёва. Он многое знал наизусть. Например, мог с любого места на память цитировать «Евгения Онегина». Словом, много чего было, всего не расскажешь...

Вечер Елабуги - 2006. - 13 сентября. – С.7.